

Александр Прозоров

Совесть вне памяти

*Часть сборника
Зубы дракона (сборник)*

Александр Прозоров
Совесть вне памяти

«Автор»

1996

Прозоров А. Д.

Совесьть вне памяти / А. Д. Прозоров — «Автор», 1996

«– А-а! – заорала девушка, вскинув ко рту скрюченные пальцы. Толпа, набившаяся в вагон метро, заинтересованно качнулась, придвинув Сашу к девушке, и та перешла на визг. – Помогите! Убивают! Глаза ее, впившиеся в Сашино лицо, округлились от ужаса, расширились зрачки, она вжалась в плотно закрытую дверь и не переставая орала:– Не-ет! Нет! Не надо! Помогите! Убивают!...»

© Прозоров А. Д., 1996

© Автор, 1996

Совесьть вне памяти

Александр Прозоров

– А-а! – заорала девушка, вскинув ко рту скрюченные пальцы. Толпа, набившаяся в вагон метро, заинтересованно качнулась, придвинув Сашу к девушке, и та перешла на визг. – Помогите! Убивают!

Глаза ее, впившиеся в Сашино лицо, округлились от ужаса, расширились зрачки, она вжалась в плотно закрытую дверь и не переставая орала:

– Не-ет! Нет! Не надо! Помогите! Убивают!

Чьи-то сильные руки цепко сжали Сашины локти и свели их вместе. Еще кто-то схватил за правую кисть.

– Я держу мерзавца! – решительно гаркнул густой бас, – Никуда не денется!

– Куда его?

– В милицию бы меня надо, – логично предложил Саша, – там разберутся.

Его спокойствие не означало безмерной храбрости и хладнокровия. Просто для того, чтобы вывести Борисова Александра из себя, нужно было затратить намного больше времени и энергии – флегматичность его вошла на Адмиралтейском заводе в поговорку. Из уст в уста передавалась история о том, как при окраске стапеля рядом с ним рухнула сорвавшаяся с крана полутонная двутавровая балка. Подняв голову, и убедившись, что больше сверху ничего не висит, Борисов молча встал на балку и продолжил работу. Внезапное и беспочвенное обвинение в убийстве произвело на него не больше впечатления, чем упавшая почти на голову стальная чушка. Доказывать невиновность криком Саша считал занятием бесполезным, долгим и нудным. Гораздо проще дойти до поста правопорядка, где во всем быстро разберутся. В тупость и жестокость милиционеров Саша Борисов предпочитал не верить.

– Тут на платформе комната милиции должна быть, – сообщил «группе захвата» Саша. – Жертву желательно прихватить тоже. И сумку мою не очень давите, там пакеты с молоком.

Поезд затормозил.

«Садовая, – безразлично сообщил динамик, – следующая станция Невский проспект...»

– Пошли, чего ждем-то? – потянулся к выходу Борисов.

– Смотри, не дай бог деру дать захочешь... – предупредил мужчина, и отпустил Сашины локти.

– Только «жертву» не забудьте, – попросил Борисов и повел всех вдоль платформы.

Пункт охраны правопорядка в начале платформы представлял из себя комнату метров двадцати, оборудованную столом и двумя книжными шкапами. Там, отгородившись от любопытных глаз светло-зелеными занавесками, несла службу затаенная в форму сержанта женщина лет тридцати, с гладко зачесанными и собранными на затылке в хвостик волосами.

– Вот, убийцу поймали! – гордо сообщил выступивший вперед толстячок с отчаянно-рыжими усами.

– Девушку грохнуть хотел, – густой бас принадлежал высокому, лысому, небритому мужику в потертых джинсах и легкой куртке.

Сержантиха растерянно переводила взгляд с одного на другого, то ли не понимая кто убийца, то ли не представляя, что теперь с убийцей делать.

– Вы забыли сказать, чем, – заметил Саша.

– Что чем? – посмотрела на него сержант.

– Ну, зарезать я ее хотел, застрелить, подорвать гранатой, забить цепью от бензопилы «Дружба»? – Борисов подошел к столу и принялся выворачивать карманы. Самым страшным предметом оказался ключ от ригельного замка, но и тот был тупым до безнадежности. – Еще есть два пакета молока, – сообщил Саша, – На работе выдали. За вредность.

«Жертва» бухнулась на стул, спрятала лицо в ладони и разревелась.

– Эй, ты чего? – удивленно забеспокоился Борисов. Женских слез он не выносил. – Перестань! Что случилось? – он секунду помедлил, ожидая ответа, а потом предложил. – Хочешь молока? Я его один черт не пью, а на работе выдают. За вредность. – Он поднял голову на сержанта. – Стакан есть?

Женщина полезла в стол. Лысый мужик выразительно сплюнул, развернулся и вышел прочь.

– А может, молоко отравлено? – задумчиво предположил рыжеусый.

– А чего его травить? – не оборачиваясь, ответил Борисов. – Оно и так приводит к ожирению и диабету. Готовый яд.

Толстяк потоптался и вышел вслед за лысым.

Девушка громко стучала зубами по краю стакана, пытаясь сделать хоть глоток.

– Вы будете? – протянул Саша сержанту початый пакет.

– Ты мне лучше документы покажи.

– У меня только заводской пропуск, – Борисов взял со стола синие «корочки» и отдал милиционерше. Та достала из стола слепой бланк и стала его заполнять.

– Фамилия имя отчество адрес... – заученно отбарабанила она.

– Борисов Александр Евгеньевич, Светлановский проспект, дом сорок пять...

Женщина быстро, мелким убористым почерком заполнила бумажку, потом, по телефону, сверила данные.

– Вроде все правильно.

– Естественно. Можно идти?

– Слушай, гражданин Борисов, а вдруг ты ее действительно убить хотел?

– Чем? Смертельным взглядом вурдалака?

– Я, между прочим, серьезно говорю.

– После всего, что случилось, я с нее пылинки сдувать должен. Я ведь теперь буду главный подозреваемый!

– Ну, спрячешь тело, никто про убийство не узнает, – дала явный совет сержант.

– Она может у вас по телефону отмечаться, – парировал Саша. – Завтра позвонит, послезавтра. Нет звонка – сразу меня хватайте. Телефон свой вы можете дать?

Сержант подумала, глядя, как переставшая хлюпать носом «жертва» пьет молоко, набросала на полях газеты номер, имя, оторвала бумажку и протянула ее Саше. Тот сунул записку в карман, потом вылил остатки молока в стакан, протянул девушке.

– Спасибо, я больше не хочу... – скромно отказалась та.

– Пей, не пропадать же добру. – После такого предложения девушка покорно взяла стакан и осушила в несколько глотков. Несмотря на заплаканное лицо она казалась довольно привлекательной. Темные густые кудри, большие бирюзовые глаза, остренький носик, тонкие губы, чуть смугловатая кожа. – Вот видишь, все хорошо. Ты успокоилась?

Она кивнула.

– Послушай, – вмешалась сержант, – а почему ты решила, что этот гражданин хочет тебя убить?

– Ну... Понимаете... Там тени были... Пали... У него лицо так изменилось... Такое страшное стало... – она опять всхлипнула, – Я подумала, что он меня сейчас... Что он...

– О боже, сказка о страшном Бармалее. Меньше ужастиков и боевиков смотреть надо. – Милиционерша спрятала заполненный бланк в верхний ящик стола и устало сказала. – Идите вы к чертовой матери.

Из комнаты милиции они вышли вместе.

– Вы меня извините, неловко так получилось... – начала извиняться девушка.

– Да уж... – согласился Саша, оглядывая ее тщедушную фигурку. Черные туфли, плотные колготки, коричневая, тщательно отпаренная юбка немного ниже колен, темно-серая болоньевая куртка из-под которой видна ослепительно белая блузка. Под внимательным взглядом она смущенно огладила юбку, расправляя воображаемые складки. Лет шестнадцать, наверное. – Зовут-то тебя как, Жертва?

– Тамара...

– Царское имя, – улыбнулся Борисов. – А теперь признавайся как на духу, царица; строго между нами. Ты чего испугалась?

– Я? – она потупила взор, теребя пальцами ткань по швам, словно провинившаяся школьница. – Я совсем не имела в виду, что вы страшный. Но только вы похожи... То есть вы очень симпатичный, но мне показалось... Со мной было однажды. И мне вдруг показалось, что это вы, и все вернулось, и меня сейчас убьют. То есть я испугалась сперва... Нет, я наоборот, понять не успела и испугалась... Поняла, что кричу и еще больше испугалась. – Она всхлинула. – Мне показалось, что вернулось все... снова...

Глаза ее увлажнились, и Борисов, подавшись порыву жалости, обнял ее, прижал к себе.

– Не надо. Все хорошо, все спокойно. Ты ведь меня больше не боишься? – Она кивнула, уткнувшись носом в его плечо. – Тогда все хорошо. Я провожу тебя домой, и ничего страшного с тобой не произойдет. Ты где живешь?

– Я? – она задумалась, видимо решая, стоит ли выдавать свой адрес. – Я на улице Большая Конюшенная живу.

– Это Желябова, что ли? Ну, тут недалеко, – он обнял ее за плечо и повел к эскалатору.

– Но, может быть, вам неудобно?

– Не надо называть меня на вы, у меня от этого развивается мания величия. Я еще не такой старый и гордый. Всего год как из армии.

Она ощутимо дрогнула в его руках.

– Вы воевали?

Борисов с удовольствием ощутил испуг в ее голосе. Хотя непонятно, чего пугаться за людей, если все уже позади? К тому же, увы...

– Увы, армия наша слишком велика, что бы все могли пройти через горячие точки... Так что не воевал я. Даже близко не был. Год в учебке под Новгородом, полгода под Волгоградом. Потом в госпитале тут валялся – руку довольно здорово разодрал. Врачи боялись, что нерв поврежден. Ну, а как вылечили – сразу домой.

– А я испугалась... – она с облегчением вздохнула и, как показалось Саше, прижалась плотнее.

– Не стоит за меня бояться, я живучий. К тому же, при моей работе армия – отдых.

– Как это?

– Маляр я. Корабельщик...

Наверху Борисов купил им по «сахарной трубочке». Потом уговорил завернуть на переулок Гривцова, сводил в кафе. Девушка больше отмалчивалась, предпочитая слушать, но ее случайные оговорки, когда она уважительно называла его на «вы», ее смущение перед оказанным вниманием, ее послушность, даже покорность, вызывали у него чувство нежности к новой знакомой, словно к маленькому пушистому беззащитному котенку, оказавшемуся вдруг посреди ревущего центрального проспекта. Скрывать свои мысли Тамара совершенно не умела, и когда она, пряча глаза, стала прощаться, стоя посреди аллеи на Большой Конюшенной, Саша сразу учуял неладное.

– А дом твой где? – Тамара неопределенно махнула вдоль улицы. – Какой?

– Около нотного магазина...

– Так давай я тебя провожу?

– Да я тут уже сама...

- Столько прошли, уж провожу до дверей.
- Нет... – она потупила глаза.
- Что «нет»?
- Нет дверей... Я обманула...
- Стоп. Носом хлюпать не надо. Объясни толком.
- Мы... Мы беженцы... То есть я... То есть мы... То есть бабушка с братом в Вологодской области, а я поступать приехала... – она опять захлюпала носом.
- Провалила? – Тамара кивнула. – Так где же ты теперь?
- Не знаю... Я школу четыре года назад окончила... Забыла уже много... а учебники дома сгорели.
- Так тебе уже двадцать один получается? А выглядишь от силы на семнадцать...
- Двадцать, – поправила девушка.
- Так где же ты теперь? Раз провалилась, значит из общежития тебя должны были выселить.
- Я тут... Я посуду мою в кафе. Потом задерживаюсь и ночую... Они не замечали.
- А по выходным?
- Я только неделю отработала...
- Ага. Все ясно. С общежития поперли, на работе сегодня-завтра ловить нечего... – Борисов помедлил. Умом он понимал, что связываться с почти совершенно незнакомой девчонкой глупо, и он должен просто развернуться и уйти. Но бросить так просто этого «котенка» рука не поднялась... – Ладно, поехали.
- Я никуда не поеду, – с неожиданной твердостью заявила девушка. Пожалуй, это было ее первое самостоятельное решение за вечер.
- Как это? – опешил Борисов.
- Не поеду, – пусть не так твердо, но решительно повторила Тамара.
- О, господи, Тома, – наконец дошло до Саши, – не бойся, у меня мамочка дома, ничего с тобой не случится.

Открывать дверь ключом Борисов не стал, а нажал на кнопку звонка.

- Кто там?
- Это я, мам.
- Где тебя носило весь вечер? – звонко защелкали замки, отворилась дверь.
- Так мам, как метро у «Лесной» прорвало, не добраться уже. Через «Пионерскую» ехать надо, народу толпа, транспорт совсем не ходит... – он замялся под ехидным взглядом, вздохнул, и пропустил девушку вперед. – Знакомься, мама, это Тамара.
- Ага... – мамочка оценивающе оглядела девушку, – Метро, транспорт... Будто не ясно, где застрял. Ну, вы проходите, раздевайтесь. Меня зовут Надежда Федоровна.
- Очень приятно, – девушка, скромно потупя взор, скользнула в прихожую. Мамочка, поверх ее головы, бросила на сына короткий ехидный взгляд.
- Есть-то хотите, гуляки?
- Не то слово! – Саша метнул ботинки под вешалку, отдал пакет молока матери, – я сейчас, только переоденусь.

Переодевание заняло заметно больше времени, нежели обычно – свой домашний тренировочный костюм Борисов счел неприличным, а к приличным брюкам не нашлось ни единой глаженной рубашки. В конце концов он выкопал в дебрях шкафа достаточно опрятную футболку и натянул ее. Как раз в этот момент в комнату и вошла Надежда Федоровна.

- Здравствуй, конспиратор. И где ты выкопал такую красотку?
- Мам, ты мне все равно не поверишь.
- А как мне понравится, ты ее специально учил?

- Нет. А что? Что-нибудь не так?
- Так, так. Она там картошку чистит. Лук уже нарезала. Хозяйственная. Хорошая девушка, сразу видно. Не то, что твоя гримза.
- Ну ма-ам! – обиделся Борисов за свою Наташку.
- Ладно, ладно. Не гримза. Шмара. Курит, как паровоз, прическа – словно бомба на нее упала, на кухню носа ни разу не казала.
- А ты в наше время некурящих девушек видела? Сейчас только у мужиков ума хватает легкие не засмаливать.
- Видела. Сейчас, на кухне. Эту шмарой не назовешь.
- Боже, где ты таких слов набралась?
- Иду в ногу со временем. Так где ты ее взял?
- Мама. Сядь.
- Что такое? – Надежда Федоровна присела на краешек дивана.
- Мама, меня сегодня повязали за попытку ее убить.
- Такую хозяйку, если не притворяется? Ну, ты, братец, псих.
- Тебе смешно. А меня почти час в отделении продержали.
- А почему выпустили?
- Я пообещал, что она им завтра позвонит, целая и невредимая.
- Ну, прямо детектив. Агата Кристи.
- Она приезжая. Если потеряется в городе, то как я докажу, что она цела и здорова?
- И что ты предлагаешь?
- Можно она у нас сегодня переночует?
- Что-то в таком духе я и ожидала, – вздохнула Надежда Федоровна. – Но имей в виду, она будет спать в маленькой комнате, а мы с тобой в большой!
- Никаких вопросов!
- Ладно, тогда ступай на кухню и помоги девушке.

* * *

Он сидел на броне, левой рукой придерживаясь за скобу, а правой сжимая автомат. Из-под тяжелого шлема пот едкими струйками сочился под бронезилет, под х/б и покрывал тело зудящей коркой. Немилосердно жгло солнце, накаляя железо, воздух, пыльную дорогу. Колеса БТР вздымали серые облака, сливающиеся в бесконечный шлейф позади и покрывающие блеклой пеленой все вокруг. Страшно чесались ноги, руки, голова, жутко щипало глаза, но он продолжал настороженно вглядываться в бескрайние поля вокруг. Впереди показалась густо-зеленая роща. По мере приближения она стала распадаться на отдельные деревья, кусты, сквозь листву проступили крыши домов, и через несколько минут бронемшины въехали в поселок.

– Здесь, здесь!

Наперерез, чуть ли не под колеса, кинулась бабка в рваном цветастом платье. Тяжелая машина, шарахнувшись в сторону, остановилась. Он вскинул автомат, ожидая, как проявит себя засада. Но стрельба не начиналась, лишь плач бабульки резал по нервам.

– Приехали родненькие, соколики ясные. Теперь не помрем. Дождались, милые. Сладкие вы наши. Выжили. Кровинушка наша... Не будут нас как собак теперь... Внучка не увидит...

БТР тронулась и, покачиваясь на колдобинах, помчалась вперед. Оставшаяся позади бабка, упав на колени и глотая редкие старческие слезы, крестила их вслед, шепча благодарственные молитвы.

Бронемшины въехали на центральную площадь перед широким двухэтажным домом с бордовыми полутораметровыми буквами на крыше: «Слава П С». То ли осыпались так, то

ли инициалы чьи-то. Старлей с двумя автоматчиками направился в здание, а вокруг машин быстро выросла толпа.

– Прочь отсюда! Оккупанты! Убийцы!

Не меньше трех десятков дородных теток в темных платках и полсотни детишек старательно драли глотки, размахивая стандартными зелеными флагами.

– Прочь с нашей земли! Кровью умоетесь!

Шестым чувством, нутром, задницей, сбитой до синяков, он ощутил шевеление в чердачном окне высокого дома за пирамидальным тополем и, еще не успев понять в чем дело, рванул затвор автомата. Длинная, щедрая очередь загрохотала по броне у самых ног, фонтанируя веселым рикошетом. Шустро, как тараканы на свету, сгнули по щелям демонстранты. Он вскинул АКМ, дал несколько коротких очередей, упорно возвращая убегающий в сторону ствол к чердачному окну. Внезапно, опалив щеку, над самым ухом заколотил крупнокалиберный пулемет башни. Черепица крыши разлетелась рыжим маревом.

Он спрыгнул на землю, пробежал десяток метров в сторону дома, но толпа теток уже сползлась из щелей обратно.

– В кого стреляете! В женщин, в детей! Варвары! Дикари! Убийцы!

Он понял, что к дому его не пропустят, развернулся к машинам и низ живота скрутило холодом – в считанных метрах от БТР, пригнувшись, сжимая в руках гранаты, бежали бородатые мужчины в полевой форме и тубетейках. Первым очнулся «Калашников», затрещал, содрогаясь в руках. Ближний из мужчин ткнулся головой в землю, другой вскинулся вверх, крутанулся вокруг своей оси, рухнул рядом. Остальные залегли, лихорадочно выдергивая оружие из-за спины. И в этот миг автомат затих, обвиснув безмолвным молчанием. Он выдернул магазин, швырнул в сторону, потянул из «лифчика» свежий, но мужчины уже окрасились красными огоньками.

Тяжелая кувалда жестоко и беспощадно ударила в грудь, ломая ребра, сминая внутренности, вырывая сердце. Удар. Удар. Удар.

Розовый туман.

Ты должна выдержать, скорлупка, ты должна, я ношу тебя уже почти всю жизнь, я свыкся с тобой, как с кожей, я пропитался с тобой одним потом, одной пылью, спаси меня, родная... милая... выдержи... я жить хочу... жить... Мама!..

– Нет! – он шарахнулся в сторону, отшвырнул тряпки, сел, схватился за грудь, мокрую от холодного пота. – Он выдержал!

– Кто?

– Бронежилет...

– Что?

Тяжело дыша, он держал мать за руки, сжимая пальцы до хруста суставов.

– Что с тобой, сынок?

Ошалелым взглядом он обвел комнату.

Телевизор. Магнитофон. Полированная стенка. Заправленная мамина кровать. Дома. Он дома, дома. Дома!

Борисов встал, подошел к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Внизу шумел густой, сочной, почти сырой на вид зеленью Сосновский лесопарк.

– Дурной сон, мама. Все хорошо. Все хорошо...

– Спать надо меньше, кошмаров не будет, – съехидничала Надежда Федоровна, – Полдень на дворе. Красотка-то твоя давно на ногах. Плов делает.

– Правда?

– Она еще и постирать хотела, да я не дала. Кстати, предложи ей ванну принять, а то она, по-моему, спросить стесняется.

– Готовить не стесняется, а спросить боится?

– Балбес ты великовозрастный. А ну, вставай!

Борисов, мокрый от пота, потрусил в ванную, ловя носом соблазнительные запахи. Ай да царица Тамара!

Вымывшись и одевшись, Саша нашел в кармане рубашки сержантский телефон и пошел на кухню.

– Привет, Жертва! – улыбнулся он режущей хлеб девушке.

– Здравствуйте.

– Я один, – строго погрозил он ей пальцем и протянул записку с телефоном. – Иди, звони. Скажи, что жива и здорова, а то как бы группу захвата не выслали.

– Хорошо, – она отложила нож, вытерла о передник руки, взяла бумажку и пошла в комнату. Саша, вытащив из ящика стола ложку, подкрался к аппетитно пахнущей латке на плите, приподнял крышку, черпнул бульона и отправил его в рот. Тамара несколько перестаралась с перцем, но все равно было невероятно вкусно.

– Нет там таких, говорят, – слышался за спиной голос девушки.

– Как нет! – чуть не подпрыгнув на месте, повернулся к ней Борисов. – Как это нет? Ты правильно номер набирала?

– Два раза звонила.

– Вот так да-а... – потянул Саша, сев на стул и рассеянно почесывая ложкой затылок. – Шутки шутками, но надо туда съездить от греха. Подумают еще чего... Поехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.